

Е.А. Болтовская, О.А. Лавицук

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА

В статье рассматривается «петербургский текст» Константина Михеева. Затрагивается вопрос творческой переработки поэтом мифологических представлений о городе, акцентируется внимание на анализе оппозиции «естественное (природа) / искусственное (культура)».

K. Mikheyev's «Petersburg text» is considered in the article. The question of creative processing by the poet of mythological representations about the city is mentioned, the attention is focused on the opposition analysis «natural (nature) / artificial (culture)».

«Петербургская» тема в поэзии современного русскоязычного поэта Беларуси Константина Михеева еще не становилась предметом пристального внимания исследователей. В «петербургском тексте русской литературы» (термин

В.Н. Топорова) город выступает как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное единство.

Мы можем говорить об определенном петербургском тексте, анализируя цикл стихотворений К. Михеева «Петербургские инвективы». Заявленное в названии обращение к теме города на Неве в виде обличения подкрепляется наличием инвективной лексики: вульгарных, грубых, бранных разговорных или просторечных слов и выражений (*корячиться, похмелиться, поиздержаться, слоняться, взасос, прыщавый, лупоглазый, хрущоба, выкормыш, дурь, матюги, тощая задница* и др.), сниженных эпитетов, метафор и сравнений (напр., *слюнявые морозные объятия; тротуар заезжен, смешон, неказист; пьяное солнце; зhusавая флейта; в подворотне смердящей на Малой Садовой; на шершавой стене тления тусклая слизь; вой сиплых анафем в соборе; сибирских пьяных выюг безумье; корявые губы зари; проползает портювый буксир, как мокрица; человека давить, как клопа, / бестолковой толпе не впервой; это время – как грязь на твоём каблуке; пусть перо угрюмо скрипит, как костыль*). Подобные средства выразительности способствуют созданию образа современного мегаполиса, будничного и грязного, с заплеванными тротуарами и перилами, с испещренными нецензурной бранью стенами. К. Михеев показывает изнаночную сторону Петербурга с целью резкого противопоставления его былого блистательного поэтического прошлого и безмолвного настоящего, «безвременья», в котором *«классический стих – лишь осколок быта»* [1, с. 66].

Следует отметить множественность объектов, к которым отсылает автор, -- и внутри пространства поэтических текстов, и в реальном мире. Города – Петербург, Петергоф, Павловск, Рим – накладываются друг на друга, точно так же, как реминисценции к текстам и именам предшественников К. Михеева: А. Пушкина, Н. Некрасова, А. Блока, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, И. Бродского и др. Петербург предстает одновременно и как «вечный город», подобный Риму, и как *«город-рок, город-книга, могила-город»* [1, с. 72].

На протяжении всего цикла поэт переосмысливает многочисленные мифы о Петербурге. Тема искусственного, «умышленного» города, возникшего на пустынном, лишенном особых красот природы, «гиблом» месте раскрывается как столкновение камня и воды. Но уже в первом стихотворении цикла «Гиперборья» вода и камень словно обмениваются эпитетами, становятся «перетекаемыми», похожими друг на друга: *блистательный гранит и черный лед* в первой строфе и *кромешный лед, сверкающий гранит* в заключительной строке. Важность этой темы доказывается тем, что другим образам произведения приписываются атрибуты главных с помощью олицетворений и метафор: *небо струи сонной желчи льет; ночь рухнет наземь грудюю булыжной; в излучине столетья вихревой*. Темный, неподвижный, молчаливый, яркий образ *северной*

Музы вызывает у поэта амбивалентные чувства, о чем свидетельствует оксюморонное сочетание эпитетов, которое может быть воспринято как переключки с мандельштамовским *блаженное, бессмысленное слово* из стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...»: *Блаженное, мучительное иго: / заменить минуты на века / и слышать глас трубы Архистратига / в рыдании трамвайного звонка* [1, с. 64]. Поэт намекает на библейского архангела Михаила. Последнему религиозная традиция приписывает роль судьи на Страшном суде, на который он трубным гласом призывает мертвых из могил. Основная мысль произведения также подается через сопоставление лейтмотивных образов: *Пред Богом все дерзання человека – / слезинка у подножия скалы* [1, с. 64]. Петербург в результате противостояния воды и камня в исторические времена становится символом преображенного насилом застывшего прошлого: *И варвар предпочел забавам древним / в излучине столетья вихревой / взрезать волну балтийскую форштевнем / и править время сталью штыковой* [1, с. 64].

Итак, «искусственная», «вторая» природа Петербурга замещает собой естественную природную среду, и перед нами предстает город из камня и дождя: *свинцовая Нева, гранитные склепы, залив холодный и пустынный берег, ледяной край, чугунный кулак, дождь-самоубийца* и т. д. Отношения природы / культуры в *сыром и сером городе Петра* предельно контрастны. Один полюс образуют описания природы (болото, дождь, ветер, туман, муть, сырость, мгла, мрак, ночь, тьма и т. п.), другой – знаки культуры (шпиль, игла, крест, купол, линии, проспект, площадь, набережная и т. п.). Природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к связи с низом (земля, вода); культура – к вертикали, четкой оформленности, устремленности вверх (к небу, к солнцу).

В качестве основного литературного имени, представляющего город, К. Михеев избирает Анну Ахматову, исторического – образ *безвинной Таракановой-княжны*, объединяя их ролью прорицательниц: *белую ночь оглашу горестным смехом сивиллы* [1, с. 70]; *Прорицанье северной Сивиллы / царственный гранит околдовало, / в памяти бывое убаявав, / загодя грядущее оплавав* [1, с. 92]. Они вторят жене Петра I, Евдокии, предсказавшей, в эсхатологических представлениях народа, гибель и запустение городу: *сильные чайки разносят пророческий плач Евдокии: / «Род ваш придет и уйдет, но пребыть Петербургу пустыню...»* [1, с. 94]. Однако именно с этим городом связана надежда поэта на спасение в слове, *а Слово изначально – это Бог* [1, с. 77]: *Только ветер над бездомьем синим / мимолетным трепетным касаньем / наши души нищие врачует / и с эпохой этою венчает, / одарив мучительным всесильем. / Ибо этот град богоспасаем* [1, с. 92]. И лишь поэтическое слово, преемственность которого путем долгих размышлений все-таки принимается поэтом, способно прорасти зерном *одной запретной ноты / в забвения безмолвный мерзлый грунт* [1, с. 79].

Идея «Поэмы без героя» А. Ахматовой о неразрывности пластов времени в петербургском пространстве благодаря памяти и воскрешение города через «победившее смерть слово» подхватывается поэтом в стихотворении «*Да спасется сей град, где глазницы кварталов пусты...*»: *Пусть же имя мое повторится в других именах, / пусть же слово мое в этой сини навек растворится!* [1, с. 73].

Петербург, таким образом, является неотъемлемой и значимой частью художественной системы Константина Михеева.

Литература

1. *Михеев, К.И.* Стихи Мнемозине: избранные стихотворения / К.И. Михеев. – М.: Новое знание, 2002. – 261 с.